
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 316(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.001

Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М. М. Хвостова

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматриваются концепты «общество» и «эволюция», которые были главными для М. М. Хвостова, именно вокруг них концентрировались теоретические установки и конкретная предметная осведомленность казанского профессора. Подчеркивается, что Хвостов стремился доказать связь любых явлений общественной жизни, включая политические, экономические и социальные, с человеческой психикой, акцентируя внимание на том, что общество является не простым механическим соединением человеческих психик, а их сложным сочетанием. Рассматривая теоретические подходы к проекции особенностей живого организма к человеческому обществу, Хвостов выделял три принципиальных отличия: общество в отличие от живого организма не имеет определенной материальной формы и может менять свои территориальные рамки, политическое устройство и т. д.; общество состоит из автономных индивидов; связь частей организма носит физический характер, а связь индивидов в обществе – психический. Отмечается, что при рассмотрении концепта «эволюция» Хвостов не смог полностью отказаться от применения принципов эволюции живой природы к обществу, в то же время он понимал эволюцию общества как постепенный процесс. Хвостов не являлся сторонником гегелевского диалектического принципа развития, подразумевавшего, в том числе, его дискретный, скачкообразный, то есть революционный характер. Примечательно, что Хвостов ни разу не упомянул о влиянии на эволюцию общества телеологических сил, подчеркивая свою привязанность к лагерю адептов доказательной точной науки. Подчеркивается, что Хвостов в отличие от классических позитивистов, соединявших эволюцию общества с жесткими законами общественного развития, признавал индивидуализирующий характер истории.

Ключевые слова: философия истории, общество, эволюция, человеческая психика, позитивизм, неокантианство, социология, социологическая история.

Рассмотрев точки профессионального роста известного российского историка Михаила Михайловича Хвостова (1872–1920) в наших предыдущих публикациях [8–10], мы обращаемся к его творчеству, к анализу попыток профессора Казанского университета внести свой вклад в развитие теоретико-методологических основ исторической науки.

Главными концептами, собирающими вокруг себя историософские знания, теоретические установки, конкретную предметную осведомленность М. М. Хвостова, судя по дефиниции понятия «история» и определению задач теории истории, являются категории «общество» и «эволюция». К их интерпретации профессором мы сейчас и приступим.

«Человеческое общество, – сообщал М. М. Хвостов, – есть совокупность индивидов, находящихся в более или менее устойчивом взаимодействии» [17, с. 8, 12]. Общества как нерасчлененного «физического тела» не существует, но и назвать обществом простое – «механическое» – соединение отдельных лиц мы не можем, рассуждал он, потому что и сущность общества, и характер всех общественных явлений детерминированы индивидуальной и коллективной психикой. Исходя из убеждения в том, что «общественные явления по своей сущности суть явления психические» [17, с. 12], профессор стремился доказать (на деле – продекларировать) неразрывность связи любой сферы общественной жизни с человеческой психикой¹.

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2021

¹ Убеждение М. М. Хвостова в психологическом детерминизме всех общественных явлений и процессов, по всей видимости, имело своими истоками, помимо «Системы логики» Дж. С. Милля, еще и труд Э. Бернгейма «Введение в историческую науку», в котором упоминались законы «психической

«Понятие о власти – явление психическое», – заявлял он, так как оно связано с эмоционально-волевыми импульсами, «вызываемыми сознанием власти». Экономические явления – «тоже явления психического ряда», так как их восприятие происходит через создаваемое психикой понятие «ценность». «Общественный класс... как совокупность индивидов, сплоченных психически», и, прежде всего общностью интересов, – тоже явление психическое. Университет как общественное учреждение со взаимным общением учащихся и учащихся, само собой, констатировал преподаватель, подходит под унифицированную рубрику «психическое явление» [13, с. 12].

Эти примеры не дают повода усомниться в том, что М. М. Хвостов был сторонником психологической интерпретации общественной жизни. Он искал корни социального в человеческой психике, сводил социальный процесс к психическим реакциям индивидов, а общественные отношения – к межиндивидуальным коммуникациям.

При такой трактовке общества на первый план выступали взаимные психические контакты людей, а не общественный строй, не производственные, классовые и другие общественные отношения, хотя переход от биологического детерминизма к психологическому создавал видимость учета специфики общественной жизни [6, с. 54, 61, 63, 69].

Протестуя против искусственно упрощенного восприятия общества, которым грешили биологические детерминисты, М. М. Хвостов акцентировал внимание своей аудитории на том, без сомнения, важном факте, что *«общество является не простым конгломератом отдельных психик, не простым механическим их соединением, а сложным сочетанием этих психик»* [17, с. 13]. Ассоциация общества с биологическим организмом, единым и неделимым, целокупной системой взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, структур и систем, где интеграция в одно целое сопровождается необходимой «дифференциацией частей и функций» [17, с. 15], казалась ему самым подходящим дидактическим приемом. Однако дальнейшее объяснение, исходившее из постулатов классической социологической литературы, уже граничило с ретроградством.

Строя свои умозаключения в контексте натуралистической социологии, М. М. Хвостов опирался на работу «Основы социологии» крупнейшего социолога-позитивиста, одного из родоначальников социал-дарвинизма Г. Спенсера [14; 15]. В ней содержались не только примеры генерализации идущего от античности опыта аналогий человеческого общества с «животным организмом» [17, с. 13], но и целостная модель социальной эволюции на базе впервые разработанной английским ученым «органической теории общества»².

подчиненности», а также монографию Н. И. Кареева «Введение в изучение социологии», рекомендованную студентам в числе «пособий» по философии истории [17, с. 7]. Во всяком случае, многие примеры, не говоря уже о рассуждениях известного отечественного историка, философа и социолога Н. И. Кареева, мы можем обнаружить в «Лекциях по методологии и философии истории» М. М. Хвостова. Приведем несколько показательных высказываний академика, чтобы подтвердить наше наблюдение.

«Все общественные явления (и в их числе учреждения), – констатировал Н. И. Кареев, – в последнем анализе сводятся к взаимным отношениям между членами общества, а эти отношения суть не что иное, как разные действия, воздействия, противодействия и взаимодействия людей, в основе коих лежат внутренние акты воли» [4, с. 99].

«Существование между людьми общественной связи порождает взаимодействие экономическое, предполагающее уже существование взаимодействия психического. Последнее, в свою очередь, представляет собою совокупность великого множества явлений, происходящих в коллективной жизни. Все, что создает зависимость одной личности от других, зависит от окружающей ее культурной и социальной среды» [4, с. 104].

«Национальное и классовое самосознание есть не что иное, как самосознание отдельных представителей нации или класса... результат психического взаимодействия между отдельными индивидуумами, держащееся в пространстве и времени силами внушения и подражания» [4, с. 103, 108].

Обращая внимание на необходимость изучения психологии личности и общества, а также бессознательных элементов психики, Н. И. Кареев утверждает, что именно коллективная психология как наука «теоретическая и общая» должна стать «непосредственной основой социологии» [4, с. 104, 105].

² Модель социальной эволюции Г. Спенсера заключалась в обосновании «Закона Развития» как применительно к целому обществу (его росту, строению, отправлениям – функциям, «системам органов»: поддержания жизни, распределительной и регулятивной), так и его важнейшим «организациям»: «семейной, политической, церковной, церемониальной, промышленной» [14, с. 452, 462].

Обоснованная обширным этнографическим материалом концепция социолога сводилась к следующим основным положениям: «Общества суть агрегаты, которые растут... Возрастание в объеме сопровождается возрастанием сложности строения... С прогрессом усложнения эти дифференциации

М. М. Хвостов не возражал против взвешенного, лишенного крайностей использования органической теории для осмысления системно-структурных отношений и функциональных связей в различных типах обществ в диахронной перспективе их культурного развития. «Простая аналогия» человеческих обществ с живыми организмами, хотя ничего и не объясняла, полагал он, но все же «наталкивала» на наблюдения и «побуждения мысли», которые сыграли важную роль в разрушении псевдонаучных представлений, например, устранили ошибки механической теории общества [17, с. 17].

Наглядный, образный объяснительный редукционизм также «сыграл громадную роль в методическом отношении»: по мнению М. М. Хвостова, он стал инструментом научных прозрений, и даже толчком для появления аподиктических теорий, правда, нуждавшихся в дальнейшем подтверждении эмпирическим материалом. К примеру, простейшие организмы, не знавшие дифференциации функций и не нуждавшиеся в «связности частей», по его представлениям, послужили моделью описания «простого общества... с первобытной культурой»: оно также легко могло распасться на части, способные изолированно существовать друг от друга, как и организмы одноклеточных животных [17, с. 15, 16].

Другое дело «общество со сложной культурой (например, современное)»: для возникновения даже гипотетических представлений об особенностях его организации тип простейших организмов уже не подходил. Такое общество «не может жить без класса фабричных рабочих, а этот класс рабочих, имеющих специальную функцию как бы отдельного органа общественного организма, не может существовать... без класса носителей капитала, (а также. – *Авт.*) землевладельцев, земледельцев», так как чем сложнее общество, «тем сильнее дифференциация частей и сильнее интеграция целого», – пояснял М. М. Хвостов, сам используя сравнение высокоразвитых обществ со «сложным организмом млекопитающих», которому грозила бы смерть при утрате жизненно важных функций [17, с. 15, 16].

Но все же, отдавая дань должного уважения натуралистическим идеям, он, ориентируясь на Г. Спенсера, тоже осознававшего ограниченность органической теории [3, с. 87; 6, с. 26, 27; 15, с. 500–503], сделал попытку ее усовершенствования. При помощи сравнительного анализа профессор продемонстрировал отличия общества «от животного организма». Первое отличие, по его мнению, состояло в том, что «общество не имеет определенной материальной формы»: оно может менять территории расселения, политическое устройство и т. д. Второе отличие заключалось в автономии индивидов, составлявших общество: каждый из них представляет из себя «отдельную клеточку организма» [15, с. 505–513]. Наконец, третье – определялось характером взаимоотношений составлявших общество индивидов: «связь индивидов в обществе имеет психический характер, а связь частей в организме – физический» [17, с. 18].

Эти аргументы оберегали его от «натяжек» и «бесполезных сравнений» «крайних представителей органической теории», к числу которых он причислял Р. Вормса [17, с. 17], и не позволяли превратить прием аналогий в грубое отождествление биологических организмов с социальными явлениями, хотя и ему, и его современникам казалось, что именно «биологическая основа» вдохновила Г. Спенсера «строить свою социологию»³: признать универсальность

умножаются все более и более. Они идут всегда от общего к специальному... Переходя от строения к отправлению, мы видим, что пока все части общества сходны и по своему строению, и по своей деятельности, между ними едва ли существует хотя какая-нибудь зависимость... Но по мере того, как разные части агрегата принимают на себя различные отправления, они становятся все более и более зависимыми одна от другой... Возрастание специализации отправлений ведет к возрастанию неспособности каждой части выполнять функции других частей...

Общественное развитие составляет часть развития вообще. Подобно всем вообще развивающимся агрегатам, общества обнаруживают *интеграцию*, проявляющуюся как в простом возрастании массы, так и в слиянии отдельных масс между собою, а затем в новом слиянии этих сложных масс. Переход от *однородности* к *разнородности* обнаруживается... в целом длинном ряду, начинающемся простым племенем, сходным во всех своих частях, и кончающемся цивилизованной нацией, преисполненной бесчисленных структурных и функциональных несходств. Возрастание интеграции и разнообразности сопровождается возрастанием *связности* между частями... Одновременно с этим обнаруживается возрастание *определенности*...» [15, с. 650–654].

³ Это мнение разделяют и современные ученые. Так, А. Б. Гофман утверждает: «Биология для Спенсера играла роль научно-методологического прецедента: из нее он черпал гипотезы, методы доказательства, проверки выводов и т. п. Биологические аналогии он сравнивал со строительными лесами, от которых за ненадобностью отказываются по окончании строительства» [2, с. 137, 138].

биологических законов (борьба за существование, естественный отбор и выживание наиболее приспособленных особей к адаптации в новых условиях), использовать идею саморазвития, заимствованную из теории биологической эволюции, в отношении культурных и социальных форм. Принцип подобия животного организма и общества позволил Г. Спенсеру обосновать и фундаментальную по своему значению мысль о социальной эволюции, превратив понятие «эволюция» в основу своей философии и сформулировав закон эволюции общества «по формуле эволюции органической» [4, с. 53–65; 14, с. 452].

Испытывая уважение к научным заслугам Г. Спенсера и признавая важность органического направления в социологии, М. М. Хвостов кратко передает учение английского мыслителя об эволюции, состоящей из «интеграции материи, сопровождаемой рассеянием движения», к «дифференциации частей и функций... организма» [17, с. 15]. «Эволюция, – замечает М. М. Хвостов, – есть переход от недифференцированной бессвязности к дифференцированной связности» [17, с. 15]. «По мнению Спенсера, – конкретизировал он предыдущее положение, – в общественном организме, как и в животном, происходит эволюция, состоящая из процесса дифференциации частей и функций этого организма и, параллельно с этим, интеграция их в одно целое. С течением времени увеличивается число частей организма и разнообразятся функции этих частей; в то же время связь частей делается более прочной, необходимой» [17, с. 15].

Оставляя без комментариев сильные и слабые стороны концепций эволюции и социальной эволюции одного из основоположников позитивизма⁴, М. М. Хвостов делегирует нам проведение аналитической работы о степени заимствования из учения Г. Спенсера наиболее значимых для его сознания идей и принципов эволюционной трактовки общественного процесса.

Итак, по Хвостову, *«эволюция, или развитие, есть постепенное изменение чего-либо во времени при условии постоянного усложнения эволюционирующего предмета»* [17, с. 18].

В этом определении нет биологической коннотации Г. Спенсера и смысловых отсылок к органическому направлению социологии; отсутствуют и знаковые для научного лексикона английского мыслителя слова «интеграция» и «дифференциация», характерные для тезауруса как биологии, так и математики XIX в. [13, с. 37]: они будут подразумеваться при разъяснении М. М. Хвостовым социальной эволюции, но заменятся другими выражениями, подчеркивавшими не биологическую, а общественную среду, охваченную изменениями.

Дважды повторенное слово «постепенное» указывает на то, что профессор не являлся сторонником гегелевского диалектического принципа развития и не признавал (или, во всяком случае, не приветствовал) изменения «чего-либо» скачкообразно с приведением в движение дискретного механизма, разрывавшего естественную связь прошлого с настоящим и будущим. Аналогичное представление о способе осуществления эволюционно проходивших процессов имел и Г. Спенсер⁵.

М. М. Хвостов представлял процесс развития в линейных характеристиках, апеллируя к поступательной модели изменений, выражавшейся в подспудно протекающих реакциях накопления любых положительных преобразований (структурного, функционального, каче-

⁴ «Главный философ теории развития» Г. Спенсер разработал свои эволюционные идеи еще до появления «Происхождения видов» Ч. Дарвина, но стал одним из горячих защитников эволюционной биологии, изучающей происхождение мира растений и животных.

Экстраполировав принцип борьбы за существование из биологии в социологию, Г. Спенсер смог на обширном этнографическом материале выстроить систему научных доказательств, подтверждающих наличие «предельно общих закономерностей, свойственных сложным системам». Хотя построенная Г. Спенсером социология была, по определению Н. Ф. Уткиной, «организмической», она создавалась «не в стиле старых организмических теорий, проводивших параллель между социальными ролями общественных страт и функционированием органов в живом организме. Его социальная теория уподобляла общество любому другому эволюционирующему организму...»

Заимствуя у В. Гарвея, К. Вольфа и особенно К. Бэра ту истину, что «всякое органическое развитие состоит в переходе от состояния однородности в состояние разнородности», Г. Спенсер смог сформулировать один из важнейших в своей философии законов: «всякая форма прогресса идет от однородности к разнородности». Условия разнородности обладают рядом преимуществ перед условиями однородности, главное из которых состоит в обретении разнородными системами необходимой им стабильности [16, с. 47–49, 216, 217].

⁵ Г. Спенсер подчеркивал незаметный, «нечувствительный» способ осуществления перемен во всех сферах общественной жизни. Он отрицал скачки и отстаивал естественный принцип вызревания всех без исключения изменений в жизни «социальных организмов» [15, с. 524, 534, 579].

ственного, количественного характера), запечатанных словом «усложнение». По сути, эволюция в данной трактовке, хотя и содержала умолчание об участии в ней сверхчувственных элементов сознания, все же не исключала наличия какой-то трансцендентной силы, незримо направлявшей процесс поступательного движения в сторону совершенствования «эволюционирующего предмета». Однако М. М. Хвостов не замечал в своих теоретических экспликациях присутствия телеологизма: он был уверен в непогрешимости эволюционной теории.

Само понятие «предмет», о котором идет речь в приведенном определении, мало подходило к характеристике человеческого общества, хотя именно о направлениях его эволюции профессор намеревался строить свои умозаключения, что следует из содержания «Лекций по методологии...»⁶. В этом случае он будто давал понять, откуда берут начало его социологические знания, но в то же время, будучи человеком другой страны и эпохи, постарался актуализировать всем известную терминологию. Заменив спенсеровское понятие «агрегат» на «предмет», он словно избавлялся от механистических реликтов сознания английского ученого, но сохранил при этом ту же лексическую обезличенность и ту же некорректную форму выражения мысли, какие в равной степени соотносятся и со словом «агрегат», и с понятием «предмет», если рассматривать их в контексте истории человечества.

Малозаметные в определении эволюции М. М. Хвостова рецепции органической теории Г. Спенсера значительно ярче имплицированы в те разделы теории истории казанского профессора, которые были посвящены условиям, вызывавшим эволюцию «чего-либо», и направлениям изменений в человеческих коллективах.

«Эволюция имеет место лишь тогда, – уверенно заявлял он, – когда налицо следующие условия: 1) должна быть среда, вызывающая изменения предмета; 2) необходимо, чтобы предмет с самого начала состоял из элементов, могущих входить в новые комбинации» [17, с. 18].

Влияние среды, или «явлений физического порядка», он иллюстрирует демографическими процессами – «физиологической тенденцией к размножению», которой не удастся избежать ни одному обществу [17, с. 18, 19].

Пять следующих направлений эволюции можно разнести в две группы: саморазвитие общества и саморазвитие индивида. Первая тенденция проявлялась в том, что общество в ходе своего формирования усложнялось: в нем создавались «новые группировки индивидов (родовые соединения, классы, сословия, союзы и т. д.)», что могло как усиливать, так и ослаблять связи между индивидами или «их группами». «Новые связи» неминуемо возникали, когда появлялись новые потребности или на повестку дня выступали интересы самозащиты. Так, «связь между частями общества усложнилась» в ходе начавшегося разделения труда: создания групп «земледельческого населения» и «городского промышленного хозяйства» [17, с. 19].

Очевидно, что процесс общественного развития, изложенный М. М. Хвостовым по образцу, разработанному Г. Спенсером⁷, первоначально совпадал со схемой интеграции, то есть

⁶ «Теперь мы займемся вопросом о том, что такое эволюция общества» – эти слова М. М. Хвостова предваряют вышеприведенное определение эволюции [17, с. 18].

«Мы можем представить себе дедуктивно, в каком направлении может эволюционировать человеческое общество» – эти слова являются переходом от определения эволюции к последующим рассуждениям, важным для М. М. Хвостова [17, с. 18].

⁷ Анализируя стадии дифференциации общества, Г. Спенсер писал: «В обществах, как и в живых существах, возрастание общей массы сопровождается возрастанием сложности строения. Параллельно с той интеграцией, которая составляет первичную черту развития, в обоих этих случаях обнаруживается... и вторичная черта развития, заключающаяся в дифференциации... Во всяком постоянном агрегате, достигающем до сотни человек... мы находим... правительственный аппарат... действительно пользующийся... властью. В этом состоит первая общественная дифференциация. Вскоре, вслед за нею, возникает обыкновенно вторая дифференциация, стремящаяся установить разделение между направительной (regulative) и исполнительной (operative) частями общества... Совершенно очевидно, – резюмировал он раздел, посвященный генезису общественного неравенства, – что увеличение массы всегда сопровождается возрастанием сложности строения» [15, с. 524, 525].

Разделение труда в сферах общественного производства трактуется Г. Спенсером в контексте «прогрессирующей дифференциации отправления», или иначе функций, которые закрепляются за разными общественными стратами: «Возникающий господствующий класс не только становится отличным от остальных классов, но и берет на себя контроль над их действиями; когда же этот класс распадается далее на подклассы... то эти последние опять-таки начинают выполнять каждый совершенно особенную часть общего контроля. В классах, подчиненных этому контролю, наблюдается то же самое. Различные группы... выполняют различные занятия...

сплочения мелких общественных групп в более крупные социальные объединения: классы, сословия, союзы. Со временем интеграция начала сопровождаться дезинтеграцией, заменившей однородность новых социальных образований разнообразием социальных элементов, которые различались своими профессиональными обязанностями и статусными ролями.

Описание направлений общественной эволюции осуществлялось при помощи таких понятий, как однородность и разнородность, дифференциация и интеграция, усложнение и упрощение организации. Это переводило осуществлявшийся анализ в план поиска закономерностей функционирования любой сложной развивающейся системы, то есть снимало специфику именно социальной организации, которая уподоблялась биологическим прототипам. Исследователь легко впадал в антиисторизм, так как чрезмерная общность и неопределенность взятых из естествознания категорий лишали его возможности укоренять изучавшийся процесс в только ему присущих пространственно-временных координатах.

Не замечая этих просчетов в рассуждениях теоретика эволюционизма, М. М. Хвостов не мог обнаружить и того, что Г. Спенсер путал физиологическое и экономическое разделение труда, так как в трактовке философа развитие происходит путем растущей разнородности целого за счет сужавшейся специализации частей⁸. Рассмотренный с этой точки зрения прогресс общества ставился в зависимость от разнообразия социальных функций, выполнявшихся все более специализированными, приспособленными для осуществления частных операций членами общества [16, с. 106, 107; 5, с. 12].

При анализе второй тенденции эволюции, затрагивавшей вовлеченного в профессиональные и классовые структуры человека, М. М. Хвостов уже не так усердно следовал за Г. Спенсером, для которого индивид был лишь единицей агрегата, а люди [14, с. 10, 11] – «человеческими существами, не сходными между собой по отношению к количеству ощущений и чувства, вызываемых в них одинаковыми причинами» [14, с. 512]. Непреднамеренный характер общественного развития, напоминавший отсутствием прямых указаний на телеологичность эволюцию животного мира, он соединял с предопределенной и целесообразной деятельностью индивида, отрицая, таким образом, произвольность и непредсказуемость социальных перемен. В таком понимании процесса социального развития профессор демонстрировал свою причастность к социально-психологическому направлению историографии⁹, которое объясняло явления общественной жизни процессами психического характера, совершавшимися и в сознании индивида, и в пространстве общественного взаимодействия [4, с. 30].

Акцентируя внимание на умственной жизни индивида, то есть на присущем только обществу людей осознанном характере социальных изменений, М. М. Хвостов демонстрировал отстраненность от органической теории общества. Обращаясь к фактам, не имевшим никакого отношения к биологическим аналогиям, он, в отличие от Г. Спенсера, подчеркивал уникальность социальной эволюции, которая выражалась, по его мнению, в решающем влиянии на общественный процесс волевой, идейной, эмоциональной сторон психической природы человека.

«В обществах сложных, – отмечал он, – появляется новое явление, которого не существует в примитивных обществах: это *сознательное воздействие* общества или его части на структуру общества» [17, с. 19]. От осознанных намерений индивидов зависят их действия,

В зачаточном обществе каждый член его есть одновременно воин, охотник, домостроитель, изготовитель всех необходимых орудий и проч.: здесь каждая часть (общественной организации. – *Авт.*) удовлетворяет себя всем своим нуждам. Переход к общественному состоянию, характеризующемуся существованием постоянной армии, может совершиться только с развитием в обществе таких приспособлений, в силу которых остальные его члены будут снабжать армию пищей, одеждой и боевыми снарядами. Если мы видим, что одна часть населения занимается исключительно земледелием, другая – горным делом и т. д., что одни производят товары, а другие распределяют их... то все это возможно лишь при одном условии... (получении. – *Авт.*) в обмен на специальную услугу, оказываемую всем другим частям... соответственной доли их специальных услуг.

Разделение труда, впервые указанное экономистами... есть именно та особенность, как в обществе, так и в животном, которая делает каждое из них живым целым...» [15, с. 502, 503].

⁸ Многочисленные примеры содержатся во втором томе «Оснований социологии» Г. Спенсера, причем они касаются как всего «общественного организма» в целом [15, с. 526–529], так и отдельных «его органов»: «системы органов питания», распределительной и регулятивной систем [15, с. 551–603].

⁹ Сомнения в этом закрадываются тогда, когда изменения в «психике индивидов» М. М. Хвостов выражал при помощи понятия «консистенция» [17, с. 19], заимствованного из тезауруса естественных наук.

которые приносят «перемены в строении общества», сопровождавшиеся развитием права, обновлением экономического уклада, реформированием общественных связей. Происходит и «видоизменение отношений общества к окружающей среде: к природе, соседям» [17, с. 20].

Резюмируя шесть «типичнейших форм эволюции общества»¹⁰, М. М. Хвостов отмечает универсальный характер своих обобщений, доступных верификации «любыми историческими фактами»; подчеркивает «взаимную связь» эволюционных процессов, непрестанно происходивших и в самом обществе, и в человеческой психике; объясняет причины неспособности всего общества быть инициатором структурных и содержательных изменений в жизни, закрепляя функцию перемен за «наиболее сознательной и культурной частью» социума; выводит заключение о готовности сознания индивидов воздействовать на историю только «на стадиях значительного культурного развития» и отсутствия такой перспективы в «примитивных» обществах, едва порвавших с зоологическим миром [17, с. 19, 20].

Таким образом, при рассмотрении концепта «эволюция» М. М. Хвостов продемонстрировал преемственность представлений о социальных изменениях во времени с органической теорией Г. Спенсера. Отталкиваясь от идей интеграции и дифференциации и используя принцип аналогии с животным миром, он сформулировал ряд обобщений, связанных с признанием общественной эволюции, и объясняющих условия и направления ее осуществления.

Он ни разу не обмолвился о влиянии метафизических сил на процесс развития или о присутствии скрытого телеологизма, подчеркивая свою принадлежность к лагерю адептов доказательной точной науки. Таким способом он засвидетельствовал естественнонаучный характер и стиль своего мышления, прочно соединявший его с позитивистской научной парадигмой.

Этот факт заслуживает внимания. Идея естественного развития стала неотъемлемой принадлежностью исторического мировоззрения М. М. Хвостова. В то время как к концу XIX в. укреплялся лагерь антидарвинистов, искавших доказательства эволюционизма в существовании трансцендентных сил, М. М. Хвостов прочно охранял свои убеждения от вмешательства «сверхъестественного»¹¹.

В то же время его интерес к психологическим факторам социальных изменений может свидетельствовать о попытках реформировать догматическую эволюционную теорию за счет модных подходов к изучению общества и социального быта. К их числу и относились способы психологизации общественных процессов и явлений. Поэтому как ни дорога для М. М. Хвостова была мысль о естественном, органическом, самопроизвольном поступательном движении общества, он дополнил ее идеей преднамеренного, сознательного, целенаправленного действия индивидов, эксплицируя, таким образом, важность постижения духовного (психического) бытия людей в процессе социальной эволюции. Возможность индивидов изменить поступательный вектор эволюционного маршрута он детально не рассматривал и разрывы в цепи плавных преобразований (в контексте приведенных рассуждений) не увязывал с проявлениями личностного начала.

Упоминания о физических и психических сторонах жизни человека и общества [17, с. 8, 9], могли свидетельствовать об осознании М. М. Хвостовым историко-социального развития как сложного, многослойного, постоянно изменявшегося, противоречивого в своих тенденциях эволюционного процесса. В любом случае, вкрапления чуждого первой волне позитивизма мировоззрения в рассуждениях профессора найти не сложно [11, с. 86–89].

Однако важно обратить внимание на то, что, следуя эволюционному подходу, который у классических позитивистов соединялся с поиском неизменных законов общественного

¹⁰ Прежде, представляя их «дедуктивно», М. М. Хвостов заменял слово «формы» словом «направлениями». Всего их было, по его разумению, шесть: «Рост населения... эволюция внутри самого общества» в связи с созданием «новых группировок индивидов»; усиление, ослабление или образование новой связи «между индивидами или их группами»; эволюция «психики индивидов»; сознательное воздействие общества или его части на процесс социальных преобразований; изменение отношения общества к окружающей среде [17, с. 18–20].

¹¹ Н. Ф. Уткина приводит немало примеров, свидетельствующих о попытках изобличить «новое монистическое мировоззрение», которое признавало закономерности эволюционных процессов в органическом мире. Сам факт эволюции антидарвинисты объявляли лучшим доказательством деятельности трансцендентных сил, так как развитие в органическом мире казалось им невозможным без внутреннего присущего организмам целеполагающего начала или руководящей воли божественного творческого акта [16, с. 217–225].

развития, М. М. Хвостов не забывал о признании индивидуализирующего характера истории, лишенной, в его представлениях, номотетики. Передавая идею поступательного развития общества, он проигнорировал требование позитивизма о поиске сугубо социальных законов, соразмерных по своей значимости с законами развития живой природы¹².

Список литературы

1. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. с нем. ; под ред. проф. С. Е. Сабинина. Москва : М. Н. Прокопович, 1908. 135 с.
2. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии : учебное пособие для вузов. 4-е изд., испр. Москва : Университет, 2000. 216 с.
3. Журавлев Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 312 с.
4. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
5. Ковалевский М. М. Социология. Сочинение в двух томах. Том 1. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. 288 с.
6. Кон И. С. Позитивизм в социологии : исторический очерк. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1964. 207 с.
7. Милль Дж. С. Система логики. Издание второе. Т. 1. Москва, Санкт-Петербург : М. О. Вольф, 1878. 539 с.
8. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
9. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. М. М. Хвостов: восхождение к вершинам научной и профессиональной деятельности // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4. С. 89–100.
10. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
11. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 221 с.
12. Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1960. 259 с.
13. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / Под ред. Е. А. Чагина. Ленинград : Наука, 1978. 416 с.
14. Спенсер Г. Основания социологии: пер. с англ. Том первый. Санкт-Петербург : И. И. Билибин, 1876. 493 с.
15. Спенсер Г. Основания социологии: пер. с англ. Том второй. Санкт-Петербург : И. И. Билибин, 1877. 895 с.
16. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). Москва : Наука, 1975. 320 с.
17. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. Москва : Либроком, 2011. 101 с.

¹² М. М. Хвостов стремился сохранить верность заявленным познавательным принципам в своей научной и профессиональной деятельности. Упоминания о законах, вносивших перемены в жизнь человеческих сообществ, приводились им только в контексте вечных, пригодных на все времена законов, которые регулировали порядок в мире природы. По его рассуждениям выходило, что человек как биологический вид, интегрированный в природу – естественную среду обитания, неминуемо был подвержен воздействию этих же непреодолимых законов, вслепую регулировавших взаимодействие живой и неживой природы и определявших ее эволюцию. Он писал: «В жизни общества, как и в жизни природы, приходится считаться с тем общим законом, что *все пребывает в покое, пока оно не выведено из состояния покоя*». Называя этот закон законом инерции, М. М. Хвостов подчеркивал его универсальный характер: «То, что верно по отношению к природе, верно и по отношению к человеческому обществу» [17, с. 83].

Второй «мировой закон» был связан с борьбой за существование: «Для человека эта борьба является не простым инстинктом, а системой разумных коллективных действий» [17, с. 71].

Хотя названные «естественные» законы, одинаково применимые ко всем живым организмам (и человеку, в том числе), могут указывать на доверие М. М. Хвостова социал-дарвинизму [6, с. 44], ход его мыслей не был оригинальным, и источники подобных суждений найти несложно. Так, примеры аналогичных суждений можно встретить в монографии Э. Бернгейма «Введение в историческую науку». Немецкий теоретик категорически отвергает попытки «нахождения общих законов» исторического развития. Только в том случае, считал он, если воспринимать общество разновидностью биологических организмов, а человека – сугубо биологическим видом, можно руководствоваться «вечными» законами с «заранее предопределенными следствиями соответствующих причин» [1, с. 22, 30, 36, 54].

Примеры, приводившиеся М. М. Хвостовым, могут говорить о том, что двуединая природа человека иногда им элиминировалась.

The concepts of "society" and "evolution" in the interpretation of M. M. Hvostov

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Theory and Methodology
of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.

Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University
n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The concepts of "society" and "evolution" are considered, which were the main ones for M. M. Hvostov, it was around them that the theoretical attitudes and specific subject awareness of the Kazan professor were concentrated. It is emphasized that Hvostov sought to prove the connection of any phenomena of social life, including political, economic and social, with the human psyche, emphasizing that society is not a simple mechanical connection of human psychics, but their complex combination. Considering theoretical approaches to the projection of the features of a living organism to human society, Hvostov identified three fundamental differences: society, unlike a living organism, does not have a certain material form and can change its territorial framework, political structure, etc.; society consists of autonomous individuals; the connection of parts of the organism is physical, and the connection of individuals in society is mental. It is noted that when considering the concept of "evolution", Hvostov could not completely abandon the application of the principles of the evolution of wildlife to society, at the same time, he understood the evolution of society as a gradual process. Hvostov was not a supporter of the Hegelian dialectical principle of development, which implied, among other things, its discrete, abrupt, that is, revolutionary character. It is noteworthy that Hvostov never mentioned the influence of teleological forces on the evolution of society, emphasizing his attachment to the camp of adherents of evidence-based exact science. It is emphasized that Hvostov, unlike the classical positivists, who combined the evolution of society with the rigid laws of social development, recognized the individualizing nature of history.

Keywords: philosophy of history, society, evolution, human psyche, positivism, neo-Kantianism, sociology, sociological history.

References

1. Bernheim E. *Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [Introduction to Historical Science] / transl. from Germ. ; ed. by Prof. S. E. Sabinin. M. M. N. Prokopovich. 1908. 135 p.
2. Hoffman A. B. *Sem' lekcij po istorii sociologii : uchebnoe posobie dlya vuzov. 4-e izd., ispr.* [Seven lectures on the history of sociology : textbook for universities. 4th ed., corr.] M. Universitet. 2000. 216 p.
3. Zhuravlev L. A. *Pozitivizm i problema istoricheskikh zakonov* [Positivism and the problem of historical laws]. M. Moscow University. 1980. 312 p.
4. Kareev N. I. *Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the study of sociology]. SPb. Typ. of M. M. Stasyulevich. 1897. 418 p.
5. Kovalevskij M. M. *Sociologiya. Sochinenie v dvuh tomah. Tom 1* [Sociology. The essay is in two volumes. Vol. 1]. SPb. Aletea. 1997. 288 p.
6. Kon I. S. *Pozitivizm v sociologii : istoricheskij ocherk* [Positivism in sociology : historical essay]. Leningrad. Leningrad University. 1964. 207 p.
7. Mill J. S. *Sistema logiki. Izdanie vtoroe. T. 1* [System of logic. Second edition. Vol. 1]. Moscow, SPb. M. O. Wolf. 1878. 539 p.
8. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of the scientific worldview of M. M. Hvostov] // *Vestnik Moskovskogo universiteta – Herald of the Moscow University*. 2020. No. 4. Pp. 56–74.
9. Novikov M. V., Perfilova T. B. *M. M. Hvostov: voskhozhdenie k vershinam nauchnoj i professional'noj deyatel'nosti* [M. M. Hvostov: ascent to the heights of scientific and professional activity] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2020. No. 4. Pp. 89–100.
10. Novikov M. V., Perfilova T. B. *"Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Hvostov] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 2020. No. 10. Pp. 166–173.
11. Safronov B. G. *Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vipper i ego vremya* [Historical worldview of R. Yu. Vipper and his time]. M. Moscow University. 1976. 221 p.
12. Safronov B. G. *M. M. Kovalevskij kak sociolog* [M. M. Kovalevsky as a sociologist]. M. Moscow University. 1960. 259 p.
13. *Sociologicheskaya mysl' v Rossii. Ocherki istorii nemarksistskoj sociologii poslednej treti XIX – nachala XX veka* – Sociological thought in Russia. Essays on the history of non-Marxist sociology in the last third of the XIX – early XX century / ed. by E. A. Chagin. Leningrad. Nauka. 1978. 416 p.

14. Spenser G. *Osnovaniya sociologii: per. s angl. Tom pervyj* [Foundations of Sociology: trans. from English. Vol. 1]. SPb. I. I. Bilibin. 1876. 493 p.
15. Spenser G. *Osnovaniya sociologii: per. s angl. Tom vtoroj* [Foundations of Sociology: trans. from English. Vol. 2]. SPb. I. I. Bilibin. 1877. 895 p.
16. Utkina N. F. *Pozitivizm, antropologicheskij materializm i nauka v Rossii (vtoraya polovina XIX veka)* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia (the second half of the XIX century)]. M. Nauka. 1975. 320 p.
17. Hvastov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii* [Lectures on methodology and philosophy of history]. Ed. 2nd. M. Librocom. 2011. 101 p.